

Ашваттха ашваттха (др.-инд. *aśvatthá-*, буквально «лошадиная стоянка»), в ведийской и индуистской мифологии сакральное фиговое дерево, наиболее частый и представительный вариант мирового дерева (см. Древо мировое) в Индии.

Упоминается уже в «Ригведе» (I 135, 8; X 97, 5), нередко встречается в брахманах, упанишадах и эпосе. Во многих случаях, когда дается описание мирового дерева, речь идёт именно об А.

В частности, оно имеется в виду в знаменитой загадке из «Ригведы»: «Две птицы, соединённые вместе друзья, льнут к одному и тому же дереву. Одна из них ест сладкий плод, другая смотрит, не прикасаясь к плоду. На вершине этого дерева, говорят, есть сладкий плод, и к нему не стремится тот, кто не знает прародителя» (I 164, 20, 22: две птицы — солнце и луна, день и ночь и т. п.).

Космические функции А. подчёркиваются уже в «Атхарваведе» («С неба тянется корень вниз, с земли он тянется вверх», II 7, 3) и особенно в упанишадах, где элементы А. соотносятся с разными частями макрокосма и создают основу для далеко идущих классификаций. Ср. образ перевёрнутого дерева (*arbor inversa*): «Наверху (её) корень, внизу — ветви, это вечная смоковница» («Катха-уп.» II 3, 1) или: «Наверху (её) корень — трёхстопный Брахман, (её) ветви — пространство, ветер, огонь, вода, земля и прочее.

Это Брахман, зовущийся единой смоковницей» (Майтри-уп. VI 4). Но, разумеется, не менее распространён и обычный (неперевёрнутый) вариант А.

Ср.: «Царь Варуна — держит кверху в бездонном (пространстве) вершину дерева. Они обращены вниз, вверху их основание» (РВ I 24, 6).

Если части А. моделируют мир, то, входя в тетраду других деревьев, воплощающих идею мирового дерева, А. может принимать участие и в моделировании социальных и религиозно-ритуальных структур. Так, в Индии издревле известен ритуал, в котором с царём последовательно соотносится каждое из четырёх сакральных деревьев, из них изготавливаются ритуальные чаши, подносимые царю для омоложения представителями

каждой из четырёх варн (см.

Варна). Чашу из А. подносит вайшья, из ньягродхи — знатный друг, из удумбары — кшатрий, из палаши — жрец.

В «Махабхарате» (III 115, 35) говорится о браке бездетных жён с деревьями, и в связи с этим выступают А. и удумбара, что может быть истолковано как отражение образов мужа и жены средствами «древесного» кода. А., как и некоторые другие деревья, играют определённую роль и в ритуале.

Ср. описание в «Матсья-пуране» четырёхугольного алтаря с арками из ветвей четырёх деревьев, в т. ч. А. В связи с А. восстанавливаются два весьма архаичных мотива, которые в более позднее время могли соотноситься с деревом вообще или деревьями других видов (например, с ньягродхой).

Первый из этих мотивов — человек на дереве (при этом человек уподобляется дереву, ср. Брихад.-уп. III 9, 28 или Мбх. XI 5, 3—24 и др.), и они оба рассматриваются как образ вселенной (см.

Пуруша). Иногда этот мотив формулируется более конкретно: женщина у мирового дерева; этот мотив отсылает в конечном счёте к ритуалу человеческого жертвоприношения у мирового дерева [так называемая ашвамедха сохраняет в вырожденном виде идею мультиплицированного мирового дерева: 21 жертвенный столп (aśvaūra, «конский столп»), т. е.

7×3]. Второй мотив — конь у мирового дерева (ср. описание ашвамедхи в «Ваджасанейи-самхите Яджурведы» и других текстах); хронологически он продолжает первый мотив и связан с переходом от ритуала жертвоприношения человека к жертвоприношению коня.

Многочисленные индоевропейские параллели подтверждают древние истоки обоих этих мотивов и, возможно, даже самого названия «А.» [ср. мотив Иванушки-дурачка

(трансформация первочеловека, первого жреца), пасущего лошадь в ветвях дерева; Иггдрасиль в «Эдде», авестийское название конюшни *aspōstānō* при др.-инд. *aśvasthāna*, Ашвинов и т. п.]. А. выступает как существенный элемент с определёнными символическими связями и в некоторых конкретных мифологических сюжетах.

Так, в сказании о Пуруравасе и Урваши, известном в ряде версий, Пуруравас срывает ветви с деревьев А. и шами, трёт их друг о друга и добывает священный огонь, разделённый натрое: огонь для домашних обрядов, огонь для жертвоприношений и огонь для возлияний. Культ дерева в Индии также даёт значительный материал для выявления той роли, которую играла А.

Литература :

Топоров В. Н., Заметки о буддийском изобразительном искусстве в связи с вопросом о семиотике космологических представлений, в кн.: Труды по знаковым системам, т. 2, Тарту, 1965;
его же, О брахмане.

К истокам концепции, в кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. Сборник статей, М., 1974;
Иванов В. В., Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva*-«конь», там же;
Сoomaraswamy A. K., The inverted tree, «The Quarterly Journal of the Mythic Society», Bangalore, 1938, v. 29;
Chaudhuri N., A pre-historic tree cult, «Indian Historical Quarterly».

1943, v. 19, № 4;
Emeneau M. B., The strangling figs in Sanskrit literature, «University of California. Publications in Classical Philology», 1949, v. 13, № 10;
Thieme P., Das Rätsel vom Baum, в его кн.: Untersuchungen zur Wortkunde und Auslegung des Rigveda, Halle, 1949;
Viennot O., Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne, P., 1954;
Lommel H., Baumsymbolik beim altindischen Opfer, «Paideuma», 1958, v. 6, № 8;
Toporov V., L'«albero universale», Saggio d'interpretazione semiotica, в кн.: Ricerche semiotiche, Torino, 1973.